

ЦЕХ ЛАНА BISELLA¹ г. БОЛОНЬЯ В 80-е ГГ. XIII В.

В городском производстве Западной Европы немаловажную роль играл цех Лана. В связи с этим представляет значительный интерес его изучение в одном из крупнейших экономических центров Италии XIII в. — Болонье. Между тем нет специального исследования об этой корпорации в указанное время².

Настоящая статья имеет целью частично восполнить этот пробел и охарактеризовать цех Лана биселла, насколько позволяют данные его статута.

Дата, когда была составлена основная часть статута, неизвестна³. 17 января 1285 г. было сделано первое добавление к нему⁴, а 27 апреля 1287 г. — второе (391—393, LXX—LXXVIII). По решению общего собрания членов Ланы статут был удостоверен цеховым нотариусом 25 октября 1288 г. Этим годом и принято датировать статут.

Он представлял собой своеобразную конституцию Ланы. Ее члены цеха присягали в том, что будут соблюдать все, установленное статутом (358, III). Он нормировал всесторонне деятельность цеха и его членов, устанавливал наказания за все, что было направлено "*contra statuta, contra formam statutorum*" (358, IV; 359, IV; 377, XXXXII; 385, LVI; 386, LVIII; 390, LXVIII). Каждые шесть месяцев одно из наиболее важных должностных лиц (гастальд, *castaldus*)⁵ обязано было проверить всех и каждого, кто выступает или выступит "*facere ... inquisitionem de omnibus et singulis que fient et fierent contra formam statu*" (385, LVI).

Классовая направленность статута отчетливо сказывается, во-первых, в его стремлении охранять частную собственность членов Ланы⁶, причем прежде всего от посягательств со стороны наемных рабочих: никто из них не должен присваивать или похищать шерсть, скрывать или удерживать данную ему для обработки шерсть, а обязан полностью вернуть ее хозяину (*nec aliquis alius laborator artis lane bixelle debeat nec presumat aliquam lanem accipere, nec aliquod furtum in ipsa arte committere; ... nec alius laborator praesumat de lanis sibi datis a aliquid occultare vel retinere penes se quin integre restituat domino lane*) (384, LIV).

В аспекте охраны частной собственности следует рассматривать, во-первых, предписание статута зафиксировать *poepen* и *soignoepen* продавца чесаной или пряденой шерсти и, если она окажется краденой, вернуть ее хозяину (389, LXI). При приобретении уже проданной или

данной под залог обработанной шерсти надо предъявить ее министрам, которые возместят новому покупателю половину затраченной им суммы (390, LXX). Во-вторых, статут обеспечивает хозяевам возможность эксплуатировать рабочую силу: работники обязаны изготавливать шерсть у лиц, их нанимавших, столько времени, сколько договорились. (382, L). Проявившие в чем-либо непокорность рабочие наказываются (386, LVIII).

О социальной направленности статута говорит такое его предписание: хозяева должны платить рабочему в субботу, когда он трудится до обеда, не больше, чем за полдня (382, L).

Члены цеха были заняты изготовлением преимущественно серых сукон (раппит *bixellum*) и частично коричневых (*brunellum*) (372, XXXI), используя в качестве сырья шерсть овец и ягнят (373, XXXIII; 374, XXXVI). Некоторые члены Ланы производили сукна из шерсти и хлопка (*raппos mecalanos*). Таким лицам запрещалось изготовление серых сукон (371, XXX).

В состав Ланы входили также шляпники и меховщики (*там же*), но их деятельность, судя по тому, что они только один раз упоминаются в статуте, не имела для цеха существенного значения.

Производство сукон осуществлялось в домах членов цеха (366, XVI; 367, XVII; 376, XXXX) и валяльных мастерских (*in gualcheriis*) (371, XXX). Последние принадлежали членам Ланы, некоторые из них, однако, являлись лишь совладельцами сукновален (*sit omnibus de dicta societate habentibus partem in gualcheriis . . .*) (371, XXX).

Сукна изготавливались не только в самой Болонье, но также в ее пригородах (*in burgis* — 364, XV) и дистрикте (370, XXX).

Некоторое представление об объеме производства дает 39-я глава статута, в которой идет речь о плате, взимаемой Ланой с членов цеха за изготовление сукон в течение года. Кто производил до 10 штук (*petia*), платил 12 денариев, от 10 до 20—2 солида, свыше 20—3 солида (381, XXXVIII).

Члены Ланы изготавливали сукна для продажи и на заказ. В статуте речь идет о том, что они “*facere per se vel alium*” (370, XXX; 372, XXXI). “*Per se*”, конечно, не означает «для собственных нужд», ибо для личного потребления член цеха мог использовать только часть изготовленных им сукон. Здесь “*per se*” означает «для продажи», о которой в статуте имеется немало данных.

К первым относятся следующие: покупка в домах членов Ланы сукон (358, IV); запрет продавать там не свои, а чужие сукна (393, XXVI); приобретение меркатором сукна у члена цеха (378, XXXVIII); упоминание о том, что меркатор купил у члена цеха сукно и его отметил, но не желает уплатить условленную цену (378—379, XXXVIII); запрет членам Ланы вступать в дома, *fundigum* и постоянные дворы (378, XII), где производилась торговля (385, LII). Заметим, кстати, что сукна продавались также на коммунальной площади Болоньи (387, XII).

Косвенными, но, на наш взгляд, весьма существенными данными о продаже членами Ланы ее изделий является наличие маклеров, кото-

рым статут уделяет большое внимание. Уже в первом его параграфе содержится требование, чтобы министралы в течение первых 15 дней после вступления в должность собрали маклеров для присяги (356). В присяге маклеров речь идет о том, что они должны выступить как защитники интересов членов Ланы, продающих сукно (378, III). Кроме того, маклеры обязуются не покупать у членов цеха недоброкачественные сукна и шерсть, а у нечленов Ланы вообще эти изделия не приобретать (*там же*). Наконец, маклер упоминается как человек, находящийся вместе с меркатором, когда тот покупает сукно у члена цеха (379, XXXIII).

Маклеры даже получали жалование из цеховой казны — от одного до трех солидов в год (381, XXXVIII), правда, не столько за посредничество в торговле, сколько, очевидно, за выполнение ими некоторых обязанностей административного характера, в чем заинтересована была Лана, членами которой являлись сами маклеры (378, III).

Все это дает основание предполагать, что члены цеха были заняты изготовлением сукон для продажи в гораздо большей степени, чем на заказ.

Хотя члены Ланы, несомненно, трудились сами⁷, для производства сукон привлекались также другие лица — *factores u laboratores*. Это особенно ярко отразилось в 72-й главе статута: "*Statuimus quod nullus de arte predicta ex nunc possit vel debeat facere vel fieri vel permitti facere alicui suo laboratori vel factori aliquam peciam panni de lana pecudis ...*" (391). Имеются об этом и другие сведения.

В присяге членов цеха упоминаются "*omnes mei ... factores*" наряду с другими лицами, о выполнении статута которыми обязан заботиться каждый член Ланы. Все они "*essent de societate predicta*" (357, III) кроме *factores*. Отсюда видно, что *factores* не являлись членами цеха. Однако на них распространялось осуждение Ланой кого-нибудь из своих членов (382, I), т. е. *factores* находились в какой-то степени под юрисдикцией Ланы.

Отметим, что в обоих случаях *factores* упоминаются как лица, зависящие не от цеха в целом, а от одного человека (*mei ... factores, sui ... factores*).

Это позволяет считать их подмастерьями, тем более, что в некоторых итальянских городах их так называли⁸.

Теперь о лабораторах. В 54-й главе статута читаем: "*...statuimus et ordinamus quod aliquis batarius, nec petenarius, nec graminatris, nec aliquis alius laborator artis Lane bixelle debeat nec presumat aliquam lanam accipere, nec aliquod furtum in ipse arte comittere; et nullus texarius aut filere, nec alius laborator presumat de lanis sibi datis aliquid occultare vel retinere penes se quin integre restituat domino lane*". Отсюда вытекает, во-первых, что лабораторами являлись шерстобиты, чесальщики, сортировщики, ткачи, прядильщицы и немало других лиц различных профессий, связанных со сложным процессом производства сукон⁹. Во-вторых, все лаборатории получали от хозяев шерсть.

Одинаковым для всех лабораторов было получение работы от членов цеха и обязанность добросовестно ее выполнять (369, XIII), необходи-

мость трудиться у хозяев в течение срока, о котором была договоренность (382, L). В равной мере лаборатории подвергались репрессиям со стороны Ланы. Одновременно следует отметить различия в положении лабораторов. Часть шерстобитов являлась членами цеха, другая в него не входила и не могла получать от хозяев работу (*si vero batarius de dicta societate non fuerit, ordinamus quod aliquis de dicta societate non debeat nec dare debeat ei aliquid ad laborandum* — 374, XXXVII). Больше того, министралы обязаны были принять меры к тому, чтобы администрация соответствующего цеха Вероны не предоставляла работу нечленам цеха (374—375, XXXVII). Это свидетельствует о заинтересованности Ланы вовлечь в свой состав шерстобитов, разумеется, для того, чтобы хозяевам легче было их эксплуатировать.

Можно предполагать, что шерстобиты получали поденную плату, исходя из предписания статута, чтобы в субботу они работали до обеда и платили им за полдня (382, L).

Учитывая, что шерстобиты создавали свои объединения для поиска работы (*batarii faciant trivium vel adunantiam causa inveniendi operam* — 392, XXIII), можно предполагать о существовании безработицы, по крайней мере, в их среде. Статут запрещает членам Ланы, занимающимся изготовлением сукон, нанимать на работу шерстобита на коммунальной площади и в других местах, где шерстобиты устраивают свои собрания (*там же*). Заслуживает внимания то обстоятельство, что шерстобиты создавали какие-то свои организации, а Лана опасалась этих объединений.

Нет достоверных данных для выяснения вопроса о том, где работали шерстобиты — в мастерских хозяев или собственных домах, но если правильно наше мнение о поденной оплате их труда, то можно предположить, что работали шерстобиты в помещениях хозяев, так как вряд ли целесообразно было платить поденно человеку, работу которого трудно контролировать. Кроме того, из 23-й главы статута видно, в каком положении находятся люди, не имеющие работы в своих домах и вынужденные наниматься к другим лицам.

С большей определенностью можно говорить о работе прядильщиц в собственных помещениях.

Статут запрещает приносить в дом прядильщицы непряденую шерсть (388, XIII), т. е. пряденую шерсть доставлять прядильнице разрешается. Такой вывод тем более можно считать вполне обоснованным, что в статуте идет речь о предоставлении прядильнице для прядения основы материала (*stamen ... locaverit ad filandum alicui filatrici*. 392, LXXIII).

Статут устанавливал максимальное количество сырья, которое можно дать прядильнице (6 фунтов), и запрещал уносить его из города в виллы, прежде чем материал будет предоставлен прядильнице для обработки и придут с ней к соглашению о плате¹⁰ (*nullus ... debeat ... poratri faciant aliquod stamen ex civitate de villis, nisi prius illud locaverit ad filandum alicui filatrici et de pretio fuerit in concordia* — 392, XXIII). Прядильщицы трудились сдельно. Об этом свидетельствуют, во-первых, зависимость между количеством обработанного материала

и размером платы за труд, а во-вторых, работа в собственных помещениях.

Теперь о ткачах. Они получали для обработки не только сырье (шерсть), подобно другим рабочим (384, III), но и полуфабрикат (*telam panni* 373, XXXIII). Статут устанавливает минимальный размер *telam panni*, который ткачи содержат у себя, обрабатывая его (*texator vel texatrix non debeat ponere ante se laborare, nec laborari fecare, seu texere aliquam telam minorem. XXIII portatis...*) (375, XXXVIII). Это свидетельствует о том, что ткачи трудились в собственных помещениях. Часть из них входила в состав цеха, другие не являлись его членами (*texator vel texatris ... non essent de dicta societate...* 373, XXXIII). Однако они в равной мере подвергались наказанию за один и тот же проступок. Например, за то, что ткач вытянул из суконной ткани нити и их оказалось меньше установленной нормы (20 штук), он штрафовался (373, 333, III).

Что касается рабочих других профессий — прядильщиц, чесальщиков шерсти и сортировщиков¹¹, то трудно решить вопрос о вхождении их в состав Ланы. Одно обстоятельство как будто бы дает основание ответить на этот вопрос положительно. Дело в том, что 53-я глава статута, перечисляющая лабораторов, как уже было упомянуто, называется “*De lanis non furandis vel sutrahendis hominibus societatis*” (383), т. е. по отношению к ним применяется термин “*homines dicte socitatis*”, обозначающий собственников сукон, с которых взимается плата при их продаже (381, XXXV III), т. е. хозяев рабочих. Одновременно статут рассматривает работников как лиц, зависящих от хозяев. Так, в главе 71 речь идет о споре “*inter aliquam magistrum et laboratorem artis*” и о гарантии, которую должен дать министр “*magistro sive domino laborerii*” (391), а в 72-й говорится о том, чего не может поручить член цеха “*suo laboratori*” (*там же*). Таким образом, перед нами выступает «хозяин рабочего».

Если лаборатории и входили в Лану, то это еще не означало, что между ними и хозяевами существовала общность интересов, что цех обеспечивал им равные права. Между рабочими и хозяевами имелись глубокие противоречия: Лана не только не отстаивала интересы рабочих¹², но, наоборот, спланивала хозяев для того, чтобы дать им возможность эксплуатировать рабочих. Это особенно отчетливо выразилось в установлении ряда репрессий по отношению к рабочим: если они при помощи министра не пришли к соглашению с хозяином по вопросу о качестве выполненной ими работы, то никто из членов цеха не имеет права в дальнейшем предоставлять им работу (396, XIII). Рабочий, утаивший данный ему хозяином материал, не только должен его вернуть, но уплатить работодателю 20 солидов (384, III); члены Ланы не должны предоставлять работу прядильщику или другому рабочему, если он отказался от ранее засвидетельствованного им наличия в доме нечлена цеха шерсти и ткани сверх нормы, установленной статутом (377, XXXI); такому же наказанию подвергаются ткачи, не являющиеся членами цеха, за отказ уплатить штраф, полагающийся за то, что они вытянули нити из суконной ткани, (373, XXXIII), а также все

ткачи, независимо от принадлежности к Лане, если они не уплатили штраф за то, что держат у себя или обрабатывают некрашеную ткань или ткань, которая меньше установленной нормы (*tela minorem. XXIII portatis — 375, XXXVIII*).

Другой формой репрессий были штрафы. Любому рабочему, отказавшемуся работать у хозяина до истечения условленного срока, грозил штраф в размере 10 солидов (382, L).

Штрафы, разумеется, ложились бременем на рабочих, но особенно тяжелое положение создавало лишение их работы.

Естественно, что рабочие вели борьбу против своих эксплуататоров.

Весьма характерно, что глава статута «Форма осуждения непокорных (*confumaces*)» имеет в виду рабочих, причем обоего пола (*aliquis vel aliqui laborantes dictam artem — 386, VIII*)¹³. Непокорность их заключается в том, что при изготовлении изделий они нарушают установленные нормы (*laborare fecisse lanam vel aliquid aliud contra formam statutorum et ordinamentorum dicte societatis*), выступают против полномочий министрала (*aliquo modo vel fecerit contra mandata ministrorum dicte artis*), а также против статута или других постановлений Ланы (*contra statuta vel ordinamenta vel reformationes societatis predictae — 383, VIII*).

Показательно и другое. В добавлении 1287 г. к статуту имеется глава о споре между лаборатором и работодателем (391, XXI). Сама необходимость такого дополнения свидетельствует о наличии конфликтов между рабочими и лицами, их нанимавшими.

Споры, являющиеся дополнительным показателем противоречий между рабочими и их эксплуататорами, представляли собою еще одну из форм борьбы, кроме уже упомянутых. Борьба между хозяевами и рабочими была неизбежной и представляла угрозу для цеха как объединения преимущественно хозяев мастерских. Однако частнособственнические интересы хозяев должны были привести к борьбе и между ними.

Такая борьба занимала немаловажное место в жизни Ланы. Об этом свидетельствует присяга министралов, начинающаяся с обязательства защищать дела членов цеха таким образом, чтобы Лана находилась в хорошем состоянии и в ней сохранялось спокойствие (*ut dicta societates in bono statu et tranquillitatem permanet — 355, L*), а сами члены цеха присягали защищать и сохранять хорошее состояние и единство в течение десяти лет и далее — настолько, насколько люди Ланы или большая их часть будут находиться в состоянии согласия (*defendere et conservare in bono statu et unione hinc ad proximus. x. annos, et altra tanto tempore quanto homines dicte societatis fuerint in concordia vel maior pars eorum 357, III*). Последние слова особенно примечательны. Они свидетельствуют о неизбежности споров и разногласий между членами цеха, которые действительно возникали; статут устанавливает порядок их рассмотрения. Указывается, что речь идет о делах, относящихся к компетенции цеха и оценивающихся определенной денежной суммой (388—389, XV). Это показатель того, что причиной споров были частнособственнические интересы.

Не просто споры возникали между членами Ланы, но иногда вспыхивала настоящая война (*inter aliquos huius societatis fuerit ... guer- ga — 363, XII*).

Конфликты возникали также между отдельными членами цеха и высшей администрацией Ланы. Подобная ситуация отражена в 9-й главе статута, где речь идет о споре, начатом на ее собрании членом цеха, во время которого он не хотел подчиниться министралам и массарию (*aliquis de societate fecerit rixam in aliqua congregatione ipsius societatis, et ministrilibus et massario non obediret — 362, VIII*).

Происходившая в Лане борьба особенно отчетливо видна из того, что статут говорит о «преступниках в цехе» (*delinquentes in arte*). Если эти люди выразили непослушание должным лицам цеха (*officialibus non obedientes*), то министралы должны наложить на них штраф в большом размере — три фунта (лир) (383, III). Осуждать «всех и каждого преступника» (*“condemnare omnes et singulus delinquentes”*) обязан был также гастальд (385, LVI).

Лана различными способами боролась за сохранение существовавших в ней порядков; вознаграждались те, кто выслеживал лиц, выступающих или намеренных выступить “*contra formam alicuius statuti aut ordinamenti societatis*” (390, XVIII).

Все это позволяет опровергнуть утверждение многих буржуазных историков о том, что средневековый цех был организацией, обеспечивавшей социальный мир, благоденствие и спокойствие.

Несостоятельность буржуазной идеализации цеховых порядков еще более выявляется, если иметь в виду следующее обстоятельство: члены Ланы, давая присягу, брали на себя обязательство платить штраф за выступления против статута своих *familiarem, socium u consortes* (357, III).

Familiaries были охарактеризованы нами ниже, а кто такой *socius* сказать невозможно, так как в нашем источнике имеется то единственное упоминание, о котором только что шла речь. Добавим только, что там же сказано: “*si dictus familiaris, socius vel consortes essent de societate*”.

Как видно, все перечисленные лица могли быть членами цеха.

Известно еще, что на *consortes* распространялся банн, наложенный на членов Ланы (382, LI). Можно высказать предположение, что *consors* — это человек, вместе с которым работал суконщик, т. е. его компаньон. Упоминание о таком сотрудничестве имеется в 51-й главе статута (*там же*).

*Consors u socius*¹⁴, судя по тому, что за них платил штраф суконщик, были менее обеспеченными людьми, чем он сам. Разными по имущественному состоянию являлись и сами суконщики. Это обусловлено различным объемом производимых ими тканей. В какой-то мере об имущественной несостоятельности отдельных лиц свидетельствует упоминание в статуте о залоге, который берется с человека, не уплатившего штраф или пошлину (*collecte*, 364, XIII). Но особый интерес представляет упоминание в статуте о нищем (*sit pauper*), степень его бедности видна из следующего замечания: когда он умер, то не оста-

вил имущества, за счет которого его можно было похоронить (non posset sepelliri de suis bonis, 364, XIII). Это яркое проявление разорения члена Ланы, и данный пример вряд ли был исключением.

Таким образом, мы наблюдаем в Болонье то явление, которое Ф. Я. Полянский считает характерным для Западной Европы XIII в.: «повсеместно социально-экономическая дифференциация цеховых ремесленников находила яркое проявление»¹⁵.

Эта дифференциация, несомненно, должна была сказаться и в области политической, т. е. в структуре руководства Ланой и в деятельности ее администрации.

Как уже было отмечено, важнейшими должностными лицами Ланы являлись министралы, массарий и гастальд (castaldus).

Выбиралось 4 министрала, из которых один назывался массарием (massarius). Выборы происходили следующим образом. За 15—18 дней до истечения срока полномочий упомянутых лиц они выбирали новых министралов и массария. Затем члены цеха сходились на торжественное собрание и избирали 6 выборщиков, которые выбирали большинством голосов упомянутых должностных лиц (365, XVI). Таким образом, фактически все заранее предопределяли находившиеся у власти министралы и массарий, что могло привести или действительно привело к созданию цеховой аристократии.

Избирать можно было тех членов Ланы, которые обрабатывали шерсть в собственных домах (faciundo batere lanam in domo sua.—там же). Отсюда вытекает, что шляпники и меховщики, а также те наемные рабочие, которые были членами цеха, но не трудились в своих собственных помещениях, не могли быть избранными должностными лицами. Это, очевидно, относилось к шерстобитам.

Имеются основания утверждать, что подобных прав также лишены были ткачи, прядильщики, чесальщики шерсти и сортировщики. Это свидетельствует о том, что, во-первых, цеховая демократия носила ограниченный характер и, во-вторых, включение в состав Ланы некоторых рабочих не было связано с предоставлением им привилегий.

Для министралов существовал возрастной ценз (30 лет), их переизбрание запрещалось (там же), и только через год они могли быть снова выбраны (367, XVIII). Они исполняли свои обязанности в течение 6 месяцев и получали каждый по 20 солидов, фунту перца и унции шафрана (367, XX); кроме того, пользовались некоторыми привилегиями. Только они имели право предоставлять работу шерстобиту, который не был членом цеха (374, XXXV) и не платил пошлины (367, XX). Министралы продолжали работать в своих домах, но по существовавшим правилам, а если они использовали запрещенные предметы, на них накладывался штраф в два раза больший, чем на рядового члена Ланы (372, XXX).

При исполнении своих обязанностей министралы должны были действовать коллегиально. Единолично никто из них не мог действовать ни в цехе, ни в его совете (consilium. 370, XXX).

Полномочия министралов были исключительно широкими и касались самых различных сторон деятельности Ланы¹⁶. Нам хотелось бы

выделить прежде всего те их действия, которые имели социальную направленность.

Сюда относится решение вопроса о необходимости заключить соглашение между рабочими, которые недостаточно хорошо выполняли (*bene diligenter non fecerit*) порученное им членом цеха дело. Причем соглашение должно было быть составлено "*ad voluntatem ministrorum*" (369, XXV). Министрал обязан был вынудить рабочих договориться с хозяевами, что видно из названия главы, в которой идет речь о рассматриваемом вопросе — "*Quod laboratores, qui non bene laborant concordent cum domino rei ad voluntatem ministrorum*" (*там же*). А это, несомненно, было в интересах министралов.

Даже в тех случаях, когда министрал не мог полностью игнорировать интересы рабочих, он учитывал их в последнюю очередь. Это видно из 71-й главы статута, обязующей министрала в случае возникновения конфликта между магистром и рабочим прежде всего дать гарантию (*dare sacramentum*) магистру, затем хозяину рабочего (*domino laborerii*) и в крайнем случае рабочему, если спор носит такой характер, что без указанной гарантии нельзя обойтись (*si questio fuerit talis que solosacramento debeat terminari*). Причем делается еще одна оговорка: «разве только со всей очевидностью не ясна причина ("*nisi evidens causa arareget*") конфликта» (391).

К весьма важным обязанностям министралов также относилось обеспечение соблюдения цеховой регламентации и успешности борьбы Ланы за монополию в области производства и торговли.

Регламентация была строгой. Она касалась приобретения и обработки сырья (370—371, XXX; 372, XXXI—XXXII; 373, XXXIII; 373, XXXXIII; 392, LXXVIII), реализации изготовленных членами Ланы изделий (373, XXXIV; 379, XXXXV), а также деятельности тех групп ремесленников, которые не принадлежали к основной массе членов Ланы (меховщики, шляпники, производители *rappos mescalnos* — 371, XXX). В статуте перечислялись праздничные дни, когда запрещены производство и торговля (387—388, LXII).

Стремление Ланы к монополии в области производства отчетливо сказалось в требовании вступления в ее состав всех лиц, занимавшихся изготовлением серых и коричневых сукон в Болонье и ее пригородах (*statuimus et ordinamus quod quilibet homo qui faciat vel fieri faciat pannos bixelli ... in civitate et in burgis Bononie teneantur et debeat intrare societatem predictam...* — 364, XV. Далее речь идет в этой главе о производителях коричневых сукон — 365). Статут даже обязует министралов заставить таких людей вступить в Лану (*Quod ministrales cogant exercentes artem intrare societatem* — 364, XV). Рядовым же своим членам он запрещает под угрозой большого штрафа (100 солидов) работать вместе или войти в соглашение с человеком, не являющимся членом Ланы (375, XXXVIII). Однако несмотря на принятые меры, Лане не удалось обеспечить себе полностью монополию в области производства, о чем свидетельствует упоминание в статуте, во-первых, о наличии у нечлена цеха недоброкачественной шерсти, как и у члена Ланы, работающего в своем доме (376—377, XXXXI), во-вто-

рых, о члене цеха и о любом другом человеке, "qui operetur faciat artem" (392, LXXIII).

Для обеспечения монополии Ланы в области торговли статут требует от лавочников, продающих серые сукна (*fundecherii lane bixelle*), вступить в цех (364—365, XV) и обязует министралов принудить их к этому, используя воздействие властей Болоньи (365, XV).

Статут не допускает дискриминации по отношению к нечленам Ланы. Наоборот, он требует от министралов и всей цеховой администрации проявить справедливость по отношению к ним (*facere rationem*. 363, XI).

Высшая администрация состояла из министралов и массария, который нередко упоминается наряду с ними (356, II; 364, XIII; 365, XV). Массарий ведал доходами, которые состояли из вступительных взносов в размере 20 солидов (365, XV) и многочисленных штрафов (369, XXVI), и расходами (356, II. В частности, выдавал жалование служащим — 364, XIII; 365, XV). За свою шестимесячную деятельность он получал ту же плату, что и министралы, а также освобождался от уплаты пошлины (*collectae* — 367, XX).

Высшая администрация выбирала 8 членов совета и 4 церкатора или следователя (*sercatores seu inquisitores*) не моложе 30 лет, обязанностью которых являлось следить за тем, что делается в нарушение статута. Полномочия членов совета и церкаторов продолжались в течение 6 месяцев, переизбрание их запрещалось. Все они должны были входить в состав Ланы (366—367, XVII).

Без согласия совета массарий не мог расходовать деньги из кассы цеха (356, II). Вместе с министралами совет назначал гастальда, нунция и нотариуса, а также устанавливал размер их жалования (368, XXI—XXII; 385, XVI).

Важнейшей обязанностью гастальда была уже упомянутая борьба с делинквентами.

Нунций должен был сообщать цеху и отдельным его членам все, касавшееся Ланы (360—361, V). Он назначался на 6 месяцев, но его полномочия можно было продлить на год (368, XXI).

Обязанностью нотариуса являлось письмоводство цеха и учет доходов и расходов Ланы (368, XXIII).

Администрация должна была строго придерживаться законности и обеспечивать ее соблюдение всеми членами цеха. Статут требует, чтобы им была оказана справедливость (*facere rationem*) министралами, массарием и гастальдом (362—363, XI). Для этого не меньше двух министралов должны в определенный день еженедельно находиться в церкви Св. Петра (363, XI). Расследование различных дел соответствующими лицами необходимо вести только в установленном для этого месте (*там же*). Если *sercatores* обнаружили сукно, которое они считают недоброкачественным, и применили по отношению к его собственнику репрессии, а последний пожаловался министралам, считая, что сукно соответствует установленным нормам, министралы обязаны расследовать это дело (377, XXXI). Все члены цеха не должны были вступать ни в какие связи с человеком, осужденным Ланой (*fuerit ро-*

situs in banno societatis — 382, LI). Законность понималась прежде всего как тщательное соблюдение всех предписаний статута.

Администрация не зависела от общего собрания членов Ланы, которое, как мы видели, не выбирало ни высших должностных лиц, ни рядовых служащих. Правда, собиралось оно ежемесячно (*societas et homines eiusdem ... congregare ... cuiuslibet mensis ...* 361, VI), и каждый член цеха обязан был присягнуть в том, что он будет приходить на это собрание (357, III), но существенной роли оно не играло. Обязательные ежемесячные собрания созывались для устройства торжественных месс (361, VI), а не для решения каких-нибудь серьезных вопросов. Этим оно не занималось вообще. Имеющиеся в статуте данные свидетельствуют о том, что членов Ланы созывали обычно на собрания для сообщения им информации: о назначении министрами должностных лиц (366, XVII; 368, XXII), о нарушении ткачами правил обработки данного им полуфабриката и запрете в связи с этим предоставить им в дальнейшем работу (375, XXXVIII), о применении репрессий по отношению к людям, осмелившимся апеллировать на решения должностных лиц (384, LV).

Собрания назначались министрами и ими же устанавливался порядок дня (кроме упомянутой торжественной мессы и такого же богослужения после выборов новых министралов — 366, XVII). Только в одном случае члены цеха могли проявить инициативу: потребовать расследования вопроса о взимании пошлины за производство сукна в различном количестве (381, XXXXVIII). Также только в одном случае собрание играет существенную роль — оно осуждает человека, затеявшего здесь ссору (*fecerit rixam in aliqua congregatione ipsius societatis*. 362, VIII), выразившего непослушание министрам и массарию или оскорбившего кого-либо из участников собрания (*verba iniuriosa unius contra alium dixerit — там же*).

Единственное, что следует выделить, когда речь идет о собрании, это уже отмеченное нами принятие добавлений к статуту.

Все это, а также упомянутые лишения избирательного права тех наемных рабочих, которые входили в состав Ланы, и порядок избрания ее высшей администрации свидетельствует о крайней ограниченности цеховой демократии. Речь в действительности должна идти не о демократии, а лишь о чертах демократии, проявлявшихся в запрете без согласия большинства членов Ланы раздавать принадлежавшее цеху имущество стоимостью более 5 солидов (369, XXIII); в запрете избирать снова в течение года министралов, массария и церкаторов после истечения срока их полномочий (367, XIX); в коллегиальной деятельности министралов, а также в наличии предпосылок для борьбы против злоупотреблений администрации, нарушения ею законности и против возможного произвола должностных лиц путем применения к ним репрессий (например, наложение штрафа за уклонение от содействия в установлении справедливости и за расследование различных дел не в тех местах, которые предусмотрены статутотом — 363, XI).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы: Лана была своеобразным цехом. Она состояла в основной своей массе из ремес-

ленников, но в ее состав входили и некоторые лица наемного труда, которых эксплуатировали хозяева цеха. Ремесленники изготавливали преимущественно изделия для продажи, но одновременно работали на заказ. Среди них резко сказывалась имущественная дифференциация, порождавшая острые противоречия и борьбу среди ремесленников, а также между отдельными лицами и цеховой администрацией.

Однако противоречия были не между хозяевами, а между наемными рабочими и хозяевами. Борьба рабочих против угнетателей была основной, главной в Лане.

Хотя положение лабораторов различных профессий было не во всем тождественным, некоторые из них являлись, говоря словами В. И. Ленина, quasi-самостоятельными производителями¹⁷, в действительности все они были низведены «на положение наемных рабочих»¹⁸.

Своеобразие Ланы, ее отличие от классического средневекового цеха вполне естественно для Италии XIII в. — страны кануна раннекапиталистических отношений¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Bisella или bixelia М. М. Ковалевский переводит по-русски «серый» (М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. 3. М., 1907, с. 119). Такого же мнения придерживался Дю Канж (Du Cange, *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, vol. IV, Paris, 1938, p. 671). Лана биселла занималась изготовлением преимущественно серых сукон.

² В Болонье XIII в. имелись цехи Лана и Лана биселла. Исследователи обычно пишут о Лане вообще (см. обзор литературы по истории экономики средневековой Болоньи: Н. А. Бортник. Цех Лана г. Болоньи в пятидесятых годах XIII в. — В сб.: АДСВ, вып. 13. Свердловск, 1976) и лишь изредка выделяют Лану биселлу. (См. напр.: М. М. Ковалевский. Экономический рост..., с. 119—120).

³ Statuti dell'arte della lana bisella, esemplati nell'anno. MCCLXXXVIII. — В кн.: Statuti della società del popolo di Bologna. A cura di A. Gaudenzi, vol. II. Roma, 1896, p. 355—390, cap. I—LVII (далее — statuti ...)

⁴ Там же, с. 390, гл. LVIII—LVIII (в дальнейшем ссылки на статут см. в тексте: арабскими цифрами указаны номера страниц, римскими — глав).

⁵ К высшей цеховой администрации, кроме гастальда, принадлежали министралы и массарий.

⁶ Как будет показано, в состав цеха входили люди различного социального положения, но основную его массу представляли ремесленники, которые сами работали над изготовлением тканей, имели собственные помещения и орудия производства, изготавливали изделия для продажи и на заказ, пользуясь при этом наемным трудом. Их мы будем иметь в виду, когда будем говорить о членах Ланы, употребляя общепринятый термин «суконщики».

⁷ Это вытекает, в частности, из предписания изготавливать (*debeat facere vel fieri facere*) сукна определенной длины (391, LXXII).

⁸ См.: В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии XIV — начала XV века. М. — Л., 1958, с. 30—31.

Кстати, заметим, что, вероятно, в Лане не было учеников. Упоминаемые в статуте *familiars* таковыми не являлись. Доказательством этого является то, что они могли быть членами цеха (Statuti... p. 357, cap. III). Имеющиеся о них сведения (в присяге, которую давал каждый член цеха, он называет фамилиария «своим» и обязуется в случае его выступления против статута уплатить полагающийся в таком случае штраф (там же); «*eius familiarem*» назван наряду с членом цеха, когда речь идет о задержке залога (там же, с. 364, гл. XIV); осуждение члена цеха распространяется и на «*omnes sui... familiares*» (там же, с. 364, гл. XIV) и позволяет предполагать, что *familiars* — это члены семей суконщиков.

Правда, отсутствие в цехах Италии учеников было отмечено: В. В. Стоклицкая - Терешкович. Проблема своеобразия цехов на Западе и на Руси.— В сб.: Средние века, вып. 3. М., 1951, с. 75. Нами установлено, что в римском цехе Ланы 20-х гг. XIV в. не было учеников (Н. А. Бортник. Народные движения в Риме (1143—1343 годы).— В сб.: АДСВ, вып. 5. Свердловск, 1966, с. 108).

⁹ Об этом процессе см.: Е. Г. Скржинская. Техника эпохи западноевропейского средневековья.— В кн.: Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.— Л., 1936, с. 298—316; Е. А. Цейтлин. История текстильной техники. М.— Л., 1940, с. 53—165.

¹⁰ Заметим, кстати, что этот запрет свидетельствует о том, что какая-то часть материала отдавалась для прядения в деревни.

¹¹ Что касается чесальщиков и сортировщиков, то мы не располагаем никакими сведениями о месте их работы и получении ими заработной платы.

Заметим, что, судя по аналогии с Флоренцией, сортировщики были заняты распределением сукон по видам (тонкая, средняя и грубая) и по длине волокон. См.: В. И. Рутенбург. Очерк раннего капитализма в Италии. М.— Л., 1951, с. 130—131.

¹² Единственное, что в защиту рабочих в статуте есть предписание хозяевам полностью выплатить им заработную плату согласно соглашению с каждым рабочим. ("Statuimus et ordinamus quod qui libet quilaborat aut laborare facit pannos bixellas in civitate Bononie debeat laboratoribus suis integre solvere precium conventum laboratori sui." Statuti ..., p. 382, cap. L).

¹³ Кстати заметим, что Лана в немалой степени использовала женский труд. Кроме уже упомянутых чесальщиц, имелись ткачихи (там же, с. 375, гл. XXXVIII) и, как видно из анализируемого текста, работницы, профессии которых не указаны.

¹⁴ В статуте имеются еще два упоминания о *sotius'e*. Массарий называет министралов *socii mei* („dabo sociis meis ministris ... Ibid, p. 356, cap. II), а последние в своей присяге обещают "omnes et singulus socias mers manutenebo et iuvabo, et eisdem in omnibus eorum negociis et causis meum in dicte societatis conscellium et auxilium exhibebo... Ibid, p. 355, cap. I).

Как видно, сделать конкретные выводы о том, кем был *sotius* по своей профессии и социальному положению, нельзя.

¹⁵ Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв. М., 1952, с. 121. В этой книге цехам Италии уделено незначительное место.

¹⁶ Отметим, в частности, что они обладали правом накладывать многочисленные штрафы, установленные статутом (369, XXVI), а на деликвентов возложить штраф не менее 3 фунтов, который не предусмотрен статутом (383, LIII). Они осуждали нарушителей последнего (378—379, XXXII). К ним обращались по спорным вопросам, относившимся к цеху, и лишь с их разрешения можно было обратиться к другим должностным лицам, и то если речь шла о деле, не превышающем 3 фунтов (388—389, LXV).

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 345.

¹⁸ Там же, т. 2, с. 399.

¹⁹ См. В. И. Рутенбург. Ранний капитализм. Городские восстания XIV—XV вв.— В кн.: История Италии, т. I. М., с. 274.